

Как я замуж выходила

Сколько себя помню, я всегда хотела замуж. Не за кого-то конкретно, а в общем. Ну и влюблялась, конечно же, куда ж без этого.

В первый раз я серьезно влюбилась в семь лет. Вот так, по-настоящему. Чтобы навсегда и плакать в подушку. Не на жизнь, а на смерть. Я была первоклашкой, а он — взрослым и серьезным молодым человеком. Целым третьеклассником! И не обращал на меня, малявку, совершенно никакого внимания.

Мы жили тогда в Греции, куда отца отправили в командировку. В посольстве работали и родители того мальчика. Наши семьи дружили, мы часто ходили другу к другу в гости. Каждую нашу встречу мама объекта моих грез и слез говорила ему:

— Андрюшенька, поиграй с Леночкой, а мы посидим-поговорим.

А он презрительно кривился в мою сторону и изрекал:

— Ну маааам! Она же маааааленькая.

И я страдала.

Но скоро командировка закончилась, и мы вернулись на родину. Это было лето, и родители отправили меня в мой любимый город Краснодар — к бабушке и дедушке.

Как же я любила этот город! Все самые лучшие воспоминания детства связаны у меня именно с ним! С дедушкой Толей и бабушкой Липой. С зимы я начинала зачеркивать числа в календарике, считая, сколько дней осталось до июня.

Каждое лето меня сажали в Москве на самолет, а дедушка встречал. Я любила там все: тополя-свечки, синий цинкорий, шелковицу во дворе. Запах подъезда нашей старой пятиэтажки на улице Славянская — неповторимый запах сырости, кошек и консервации из-за каждой двери. Любила рогастики, которые продавались рядом с домом, квас бидонами и бабушкин шкаф в прихожей. Там в ящичках хранились сокровища — бусы, разноцветные пуговицы, духи и какие-то старые помады. Любила стук колес трамвая, под который я засыпала, просыпалась и мечтала. О путешествиях и дальних странах. Когда все еще было впереди. И несут меня эти колеса в удивительную, счастливую, долгую, полную любви и добра жизнь.

Да, я любила там все! А в то лето, после Греции, я полюбила там еще и Максима. Мы оба перешли тогда, по-моему, в третий класс. И были совсем взрослыми.

Мы жили в одном доме, только я (точнее, мои бабушка и дедушка) — в первом подъезде, а он — в последнем.

У Максима была сестра Марина — девочка с длиннющими волосами, которым завидовало все женское население двора. А я — больше всех. Все свое детство я мечтала о косах, а мне делали спортивную стрижку. Я смотрела на Марину с бантами и причудливыми прическами, которые соорудила ей ее мама, и плакала. А еще у Максима был папа-болгарин с удивительной профессией, которая никак не укладывалась у меня в голове — голове образцового советского ребенка. Папа тот был дегустатором вин. И что это за работа такая, когда все уважающие себя люди сеют, жнут и куют сталь, я не понимала. И тем не менее я влюбилась в Максима, несмотря на его сомнительную генетику.

Мы с ним подружились и целыми днями пропадали во дворах вместе с другими девчонками и мальчишками — играли в прятки, казаки-разбойники, бегали за трамвайные пути на базар за семечками. И мне казалось, что Максим тоже был ко мне равнодушен. Так, собственно, и было.

Наша взаимная симпатия скоро стала всем заметна. Нам кричали вслед:

— Тили-тили-тесто, жених и невеста!

Я краснела, но не могу сказать, что мне это не нравилось. Ведь это была любовь «один раз и на всю жизнь», как и с третьеклассником Андрюшкой из Греции. А значит, я и правда невеста.

Но дальше случилось обидное. Где-то в окрестностях располагался завод мясных продуктов. И рядом с нашим домом разместили плакат, рассказывающий о разных «мясных делах». В частности, там были нарисованы две свиньи — свишня-женщина и мужчина-свин. Взявшись за руки, они весело

куда-то бежали. Видимо, на мясокомбинат, где, к радости потребителей, скоро станут какой-нибудь докторской колбасой. Под этими двумя свиньями кто-то написал «Максим» и «Лена».

Кстати, Максим тогда занимался борьбой и был нехилым мальчиком. Я предложила ему найти обидчиков и отомстить. А я догадывалась — кто это. На что он ответил, что не будет ссориться с мальчиками из-за какой-то девчонки. Такого оскорбления я не стерпела и тут же разлюбила его.

* * *

Несмотря на то что перечисленные выше объекты оказались недостойны моей любви, замуж я продолжала хотеть. И классе в пятом заявила маме, что сразу после школы создам крепкую семью. Чем повергла ее в очередной шок. Вообще, к шокам по моему поводу ей давно пора было привыкнуть. Но я, правда, хотела замуж не позже шестнадцати-семнадцати лет. Все, что после двадцати, казалось мне тогда глубокой старостью.

В это же время я опять влюбилась «раз и на всю жизнь». Это был мальчик из параллельного класса. Ваня. Правда, имя его мне, дочери дипломата, тогда казалось каким-то позорным и допотопным. Но сердцу, как известно, не прикажешь.

Мы встречались на переменах, во дворе, в школе на танцах. Каждый раз я ждала, что он пригласит меня на «медляк», но он не приглашал. Однажды я набралась смелости и сама пригласила его на белый танец. Мы встали на пионерское расстояние. Вытянутые руки и отключенные попы — чтобы прилично, без всякого непотребства. И «закружились»...

А потом я услышала, как он разговаривал с другими мальчишками.

— Вань, а Ленка в тебя влюбилась. Она вроде ничего...

— Да нуууу. Она же коротышка!

Я рыдала где-то неделю. И каждый день висела на турнике, чтобы хоть немного подрасти. И даже привязывала к ногам гантели. Я всегда была самой маленькой — и в саду, и в школе. За скромные габариты меня даже прозвали «на районе» Цуциком. Ох как было обидно!

Но в итоге висеть мне надоело, и я решила, что проще разлюбить. А несколько лет назад я случайно встретила того Ваню. Я его не узнала. Он меня узнал.

— Кучеренко, ты? Слушай, какая ты красавица! Может, сходим куда-нибудь? Кафе-ресторан? Я как раз развелся. Во второй раз.

Я смотрела на этого стареющего, лысого, обрюзгшего, нагловатого, явно пьющего мужчину и думала: «Какое счастье, что ты не знал про гантели и турник...»

Тогда, в пятом классе, я решила в глупых и «приземленных» мальчишек больше не влюбляться. И влюбилась в Сашу Хлопкова. Помните, была такая группа «Маленький принц»?

Все обои в своей комнате я обклеила его плакатами и мечтала сама стать певицей. Ну а как? Это ведь был единственный путь к моему «принцу». Вечерами я тренировала дома свои вокальные данные. А они у меня редкие. Я бы даже сказала — редчайшие. Если есть в мире человек, у которого слух и голос отсутствуют полностью без малейшего шанса их развить, — то это я. В стену стучали соседи, собака выла, кот писался от страха на занавески, папа купил себе беруши, а я пела! Как это терпела мама, я не знаю.

А еще у моего папы было много разных кассет. Иногда — очень редких. Он записывал Высоцкого, других певцов, в том числе «вражеских», «империалистических», разных юмористов. Многого тогда было днем с огнем не сыскать. И когда к нам приходили гости, он гордо показывал им свою коллекцию и включал музыку. А мне очень хотелось записать Сашу Хлопкова. Чистых кассет не было, и я стащила из той

коллекции первую попавшуюся. «Авось не заметит, их там больше сотни».

Стерев сама не знаю что, я записала сверху «Маленького принца». Пока родители были на работе, я слушала и наслаждалась. А перед их приходом возвращала кассету на место. Типа — все в порядке.

Все и было в порядке, пока к нам в очередной раз не пришли гости. Папа захотел «угостить» их какой-то особо редкой музыкой. Перед этим он загадочно говорил:

— Ой, у меня для вас такой сюрприз. Такого вы еще не слышали.

Вставил кассету в наш крутой «Шарп», нажал кнопку, и от туда полилось:

— Прощай, мимо промчится ночь... Прощай, не повторится ночь, та, что ты подарила мне...

— Не знали, Александр Сергеевич, что вы увлекаетесь современной попсой, — сказали гости.

Вечером у меня был долгий и серьезный разговор с папой, после которого я разлюбила Сашу Хлопкова.

И полюбила Виктора Цоя. Так начался мой пубертат. И родители пожалели, что ругали меня за «Маленького принца». Вместо платица, которое предлагала мне мама («Ну ты же девочка»), я была вся в черном, как ведьма, или таскала рваные джинсы, которые собственноручно исписала всяческими непотребствами. Папа был в шоке, потому что мне их привезли из-за границы и они еще недавно были дорогими и целыми. Еще я обвесилась килограммами всяких железок. И ходила с мрачным, все понимающим об этой жизни взглядом и напевала:

— Но если есть в кармане пачка сигарет...

И мама пила валерьянку.

Я мечтала сидеть на Арбате и лабать на гитаре. Хотя до сих пор умею играть на ней только «В траве сидел кузнечик», и то не попадая ни в одну ноту...

Потом мы уехали в Африку в очередную командировку, и я мечтала остаться там навсегда. Жить где-нибудь в далекой деревне в джунглях, есть бананы, петь песни и греться на 60-градусном солнышке. Потом вернулись в Россию, и я поучилась какое-то время на юридическом, а потом бросила все это занудное право и поступила в театральный институт на искусствоведческий. И, конечно же, мечтала стать звездой отечественного театроведения. И не буду скрывать — подавала большие надежды.

* * *

В общем, примерно так протекала моя жизнь, и личная — тоже... Забыла сказать, что я была в те годы не просто атеисткой, я была богоборцем. Как и положено «богеме» высокого полета. Чем хуже — тем лучше. И мечтала навсегда связать свою жизнь с театром. Точнее, с преподаванием в альма-матер. Как сказал один наш педагог: «Отсюда уходят только ногами вперед».

Кстати, тогда со мной случилась одна небезынтересная история. Точнее, история вообще-то очень страшная. Она не совсем о замужестве. Но, мне кажется, ее стоит упомянуть. Я уже говорила об этом в разных статьях, рассказах, но как бы о постороннем человеке. Не решилась тогда сказать, что это обо мне самой.

Каждый день мой путь лежал в родной институт через одну из станций метро. Там был книжный развал, на котором продавалась масса всякой литературы — от «про любовь» до «умной». И однажды мое внимание привлекла «страшно-научно-парапсихологическая» книга об исполнении любых желаний. А во введении автор (не буду поминать его имя всуе) уверял, что «все представленные в этой книге идеи можно найти в Библии». Библию я тогда не читала, Бога, как я уже сказала, никакого не признавала. Но при этом, странный парадокс, считала, что вся эта «религиозная писанина» плохому

не научит. Это утверждала и моя близкая подруга, которая по Библии... гадала.

Самым заманчивым в этой книге для меня оказалось то, что, оказывается, все желаемые события в жизни «можно формировать с помощью силы мысли». В качестве доказательства автор приводил церковную молитву, а потом плавно переходил на чакры, ауры, всевидящие третьи глаза, энергетические посылы и вселенские ответы на наши запросы.

«Церковь, чакры... Вдвойне надежней!» — решила я и купила «страшно-научную книгу», чтобы наформировать себе все, что душе будет угодно.

Как и всегда, в то время я мечтала выйти замуж. Но как-то ни я серьезно не влюблялась, ни в меня. А некоторые мои подруги уже родили к тому моменту детей. И если честно, я по этому поводу комплексовала.

В общем, очень кстати оказалась мне та книга, в которой автор-парапсихолог учил всех верить в себя, как можно шире открывать чакры навстречу своей мечте и вообще не сидеть сиднем, а самим формировать все вокруг. И давал для этого формирования «высокоэффективные молитвенные упражнения».

Как сейчас помню, нужно было напрячься, почувствовать чакру, оттопырить ее, поднять руки вверх, потом резко их опустить и на выдохе, изо всех сил, выпучив третий глаз и вибрируя всеми своими внутренними энергиями, выкрикнуть свою мечту.

Мы с одной моей сокурсницей, которая тоже мечтала о замужестве, даже тренировались в кафе нашего института — что-то формировали по мелочи. Не помню, удалось нам или нет, но это было не важно. Главной нашей целью была будущая счастливая семейная жизнь.

А потом, выбрав день, когда никого не было дома, я собралась со всеми моими внутренними энергетическими силами и полдня вибрировала и орала на выдохе:

— Я самая обаятельная и привлекательная! Все мужчины от меня без ума! Все хотят на мне жениться, только выбирай!

В итоге в стену мне начали долбить (возможно — женихи), а соседка позвонила в дверь со словами:

— Леночка, все нормально?

После обеда, не на шутку уверенная в себе и своем будущем замужестве, я пошла в Ленинскую библиотеку, поготовилась там к экзаменам, а больше посверкала глазами в направлении посетителей мужского пола — не это ли мой суженый, которого я «наформировала»?

Но с предложением руки и сердца никто не подошел.

«Ладно, тут все равно одни ботаны», — решила я и к вечеру отправилась домой.

Когда я вышла из метро на своей станции, уже темно. Это сейчас у нас здесь все цивилизно и чинно-благородно. Торговый центр, охрана, освещение... А тогда мне нужно было миновать рынок, пустырь с какими-то сомнительными недостроенными, но уже развалившимися зданиями по краям и общагу. Но этот не очень приятный путь я преодолевала каждый день и не по одному разу, так что ничего не предвещало приключений.

И вот шла я такая, «самая обаятельная и привлекательная», по тому пустырю и бубнила себе под нос как заведенная:

— Все мужчины от меня без ума... Все мужчины от меня без ума...

И тут подлетает ко мне какой-то парень, хватает в охапку и тащит за сомнительное здание. А вокруг — никого. Я пыталась брыкаться, но в руке у него блеснул нож. Помню, он не успел еще ничего сказать, а я с перепугу отдала ему и кошелек, и телефон, и даже косметичку — вообще святое для любой девушки. Но он презрительно вернул ее обратно.

— Отпустите, — плакала я, — у меня больше ничего нет. У меня дома мама больная — сердечница. Давление у нее.

— Раздевайся, — сказал он мне вдруг и как-то странно на меня посмотрел.

Я сначала даже не поняла. А он так ножичком у меня перед носом играет. И тут до меня дошло!

«Наформировала! Довибрировалась! Открыла чакры! Самая обаятельная и привлекательная, говоришь? Получи! На тебя уже на улице бросаются! Сейчас он прямо здесь на тебе и женится...»

Но это я сейчас могу вспоминать все это спокойно и с юмором. А тогда я почувствовала, как от ужаса волосы на голове встают дыбом. И ведь правда, встают.

Помню, как я начала медленно снимать куртку — был ноябрь месяц. И вдруг увидела вдалеке купола нашего храма — Архангела Михаила.

Я никогда там не была, считала, что там собираются какие-то психически больные мракобесы и молятся какому-то Богу, которого никто никогда не видел. Можно подумать, чакры кто-то видел. Но в них я верила свято. Но я знала, что храм этот называется в честь какого-то Михаила.

Надеяться мне в тот момент было не на кого, вибрировать энергиями не было сил, оформировывать события обратно — тоже, и я, снимая куртку, которая, к счастью, заела, смотрела на эти купола и вопила про себя: «Спаси меня, ну пожалуйста! Как Тебя там... Бог! И ты, Михаил какой-то там!»

— Нет, не раздевайся! — вдруг сказал убивец. — Я передумал.

Помню, я так растерялась, что даже спросила:

— А почему?

Но он не объяснил.

— Меня зовут Сергей, — представился парень. — Лучше я провожу тебя домой, чтобы никто не обидел.

Вернул мне вещи, вцепился в рукав и потащил.

Помню, я даже задохнулась от возмущения: «Чтобы никто не обидел! Вот гад!»

Но все это про себя, конечно же. Но поспешила, пока он опять не передумал.

По пути парень рассказал, что у него есть любимая овчарка, а сам он очень одинок. Все это с тем же ножичком в руках. У моего подъезда стояли знакомые, и мне удалось отвязаться от моего странного провожатого. А дома у меня началась истерика, мне вызвали скорую и вкололи какое-то успокоительное.

На следующее утро, придя в себя и немного осознав, что произошло, я пошла в тот храм. Нашла священника и рассказала ему эту историю. Мы очень тепло тогда поговорили. Суть его речи была в том, что нечего формировать чего ни попадя и заигрывать с кем попало — с темными силами.

— Хочешь замуж — молись, — сказал батюшка.

Когда я писала об этом рассказ, моя лирическая героиня через это происшествие пришла к Богу. Но, увы, сама

я к Богу тогда еще не пришла. Хотя «какого-то там Михаила» поблагодарила. У меня все было еще впереди. Но Бога я опять забыла. Скажу больше — я почему-то еще активнее стала против Него «бороться». А молиться, чтобы получить хорошего мужа, мне казалось тогда скучным, банальным и глупым.

Ну да, кричать на выдохе, выпучив третий глаз, куда действительно.

* * *

Шло время, я заканчивала институт, писала свой диплом, ради которого устроилась работать в архив литературы и искусства, и готовилась поступать в аспирантуру. В том архиве у меня появилась подруга, которая была замужем за очень странным и не совсем здоровым, с моей точки зрения, человеком. Верующим! Звали его Александр.

Он, кстати, сам уверовал незадолго до этого и по чистой случайности. По образованию он психолог и, проходя мимо Крутицкого подворья, увидел, что там требуются сотрудники этого профиля в реабилитационный центр для оккультно-пострадавших. Ну и устроился. Но уверовал так, что содрогнулись все знакомые, а также и земля.

Родители его, простые провинциальные работяги, увидев приехавшего в отпуск сына в его новой ипостаси — с косой до пояса сзади, с бородой до пояса спереди, всего в черном, обвешанного четками, иконами, бременами неудобноносимыми, с закотившимися в непрерывной Иисусовой молитве глазами и заунывно поющего знаменным распевом, — испуганно засуетились и начали называть Сашу на «вы».

Мама метала на стол все, что было в печи, надеясь, что сыночка покушает и его отпустит. Что такое «все, что в печи» по-украински (а дело было там), я даже рассказывать не буду. А то вы слюнями захлебнетесь. Папа, с этой же целью,

пытался опоить духовно преобразившегося сына горилкой. Но Александр хоть и уверовал буквально на днях, но крепко и навсегда. И культурно, по-церковнославянски, от дьявольского зелья отказывался...

А тогда я с пеной у рта доказывала этому Александру, что Бога нет, а сам он — отсталый и пришибленный религиозный маньяк. Еще и опасный, потому что утверждает, что мужчина — глава семьи, а жена «да убоится». Борода его — позорный артефакт мракобесия, и ее надо срочно сбрить.

Он терпеливо слушал меня, еще терпеливее что-то объяснял. А когда моя богоборческая пропаганда совсем выходила из берегов и я прыгала вокруг него с выпученными глазами, нежно брызгал меня святой водой. А я верещала еще сильнее. Один раз, израсходовав на меня всю имеющуюся у них в квартире воду, но так и не утихомирив, Александр просто ушел из дома. Не из-за жены, из-за меня — ее подруги. Потом, правда, вернулся. Так мы, собственно, и дружили.

Среди посетителей того гостеприимного дома был еще один странный человек. Это сейчас он — многодетный и степенный отец Вячеслав и крестный одной из наших дочерей. А тогда был просто Славой — стремным, бородатым и крестящимся через каждое слово типом. Под стать Александру. Они были психологами-напарниками на том подворье. А с моей тогдашней точки зрения — первыми пациентами. Религиозными маньяками. Как в том анекдоте: «Кто первый в психушке халат надел, тот и врач».

Я с удовольствием спорила с ними обоими на все эти религиозные темы. До того момента я была в храме, наверное, два раза. Первый — когда меня крестили, второй — тогда, после истории с насильником и Архангелом Михаилом. Библию я не читала и попов в глаза не видела, хотя считала их наглыми и зажравшимися. Тем не менее насчет всего церковного имела свое четкое, а главное — аргументированное мнение.

— Ну, ты хотя бы приди на службу, посмотри, — говорили мне мои бородатые друзья.

И однажды я сдалась и пришла к ним на подворье — просто поглазеть на идиотов.

Была литургия... Я встала в сторонке, прислонилась к стене и приготовилась многозначительно вздыхать и закатывать глаза. Но что-то «пошло не так». Тогда со мной и случилось огромное чудо. А я очень люблю рассказы-вать о разных чудесах. Я знаю, что в христианстве они — не главное. Но это милость Божия к нам — слабым людям. И большое утешение.

Мне даже сложно объяснить, что тогда случилось. Я вжалась в стенку, по щекам у меня текли слезы, я была счастлива. У меня внутри что-то оживало. Наверное, это была душа. Я вдруг поняла, что Бог есть. Вот же Он. Он обнял меня, прижал к Себе и говорил, как ждал меня все эти годы.

А я уткнулась Ему в грудь и боялась шелохнуться. Вдруг это все закончится. В тот миг я знала, что здесь, рядом с Ним — мой дом, и я уже никогда не смогу отсюда уйти. От этих странных женщин в платках. От «стремных» крестьящихся мужчин. А главное — от Него.

Господь принял меня тогда со всеми моими ошибками, падениями, заблуждениями, со всем моим глупым богоборчеством. Это была притча о блудном сыне в моей собственной жизни. Явная милость Божия. Евангелие — это ведь не что-то, что было давно. Оно — сейчас. И есть, и будет...

— А мы тебя давно ждем, — сказал с улыбкой Слава, увидев меня на службе.

Он тоже был тогда там.

— Странно... Я же не из этих, ваших... Не из маньяков, — попыталась я еще потрепыхаться.

— Такие, как ты, как раз из наших.

И я понимала, что он прав. Я оказалась из тех самых маньяков.

* * *

Какое же это было удивительное время, как же я по нему скучаю! Неповторимое церковное детство, когда нет никаких сомнений и полутонов. Черное — это черное, а белое — это белое. Без юбки в пол мы все умрем страшной смертью и попадем в ад, безбородый мужчина — это как минимум евнух, как максимум — женщина, а платок нельзя снимать даже под душем. Макияж — это от лукавого, и благочестивее пахнуть потом, чем бесовскими духами. На твоих глазах каждая вторая икона «мироточит» (кстати, я сама пару раз объявляла в разных храмах о явленном у них чуде, а потом оказывалось, что просто мыли иконы), и каждое слово батюшки — богодухновенно, какую бы глупость он ни сказал. Да и вообще, каждый «поп» — это прозорливый старец. И сам ты вдруг начинаешь говорить на каком-то допотопном,

витиеватом, безграмотном языке, через предложение вставляя «Спаси, Господи», и «Христос посреди нас», и «Аминь». И не говоришь ты вовсе, а глаголешь. Как все нормальные православные.

Ты не дурак, нет! Ты просто открыл для себя новый, волшебный мир, захлебываешься от любви к Богу, и единственное, чего ты хочешь, — это припасть к Его ногам, воровать и исповедовать. А лучше всего умереть за Христа — здесь и сейчас, не сходя с этого места. Душа тогда горела, как не будет гореть больше никогда. Ты молишься легко и радостно, по поводу и без повода. При выходе из дома, при входе, готовя себе завтрак, заваривая чай... Простишь Бога обо всем — о здоровье, о погоде, о хороших снах и настроении. Господь слышит эти твои глупые молитвы. И отвечает на них. И на каждом шагу ждут прозрения, откровения и чудеса. И жить ты хочешь исключительно богоугодно — по православным миссионерским книжкам. Ну и, как в этих книжках и написано, отныне и навеки я видела для себя только два возможных пути — монашество или огромная православная семья.

Монашество я пока оставила про запас — умереть для мира никогда не поздно. А вот с семьей решила поспешить. Тем более что мне уже было глубоко за двадцать. Именно «глубоко», потому что тридцать пять, например, в моем тогдашнем представлении — это был предел не только детородного возраста, но предел вообще всего для женщины. И у меня оставалось не так много времени. А ведь мне еще нужно было родить минимум пятерых детей. Православную семью я иначе себе и не представляла. Трое — это так, для легкомысленных протестантов.

Правда, выглядела я тогда так, что семья мне вряд ли светила. Даже с каким-нибудь фанатичным невменяемым ортодоксом. Уверовав, я в одночасье выбросила всю свою современную одежду, нацепила длинную юбку в пол, голову